

КЛАССИКА XX

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Антуану семь лет, может быть, восемь. Вот он выходит из большого магазина одежды — весь в обновках — и словно вступает в новую жизнь. Впрочем, он пока ребенок и держит за руку няню, шагая вместе с ней по бульвару Осман.

Антуан мал ростом и видит перед собой только одетые в брюки ноги и суетливые юбки. А на дороге — сотни крутящихся колес, которые иногда замирают возле неприступного, как скала, полицейского.

Впереди улица Авр, но прежде чем перейти ее, они с няней останавливаются у газетного киоска, и мальчик видит огромный ботинок, pinaющий куда-то футбольный мяч. Антуан разглядывает цветную обложку журнала и вдруг чувствует, что его будто бы разлучают с няней. Неужели та большая рука с черным перстнем на пальце, которая только что слегка коснулась его уха?

Мальчика несет людской поток. Фиолетовая юбка, брюки в полоску, сутана священника, чьи-то запачканные башмаки, а вот лужа, которая расплескалась от шагов бесчисленных ног. Это все, что видит Антуан. Нет няни, которая всегда была рядом, и он чувствует, как краснеют и пышут его

щеки. Что же это — злость оттого, что он подхвачен течением толпы и ничего не может поделать? Или это гордость, раньше обузданная, залила ему лицо краской? Антуан поднимает взгляд. Кругом лица — безразличные или скорбные. Изредка — обрывки фраз, брошенных кем-то и не подхваченных другими; именно так рождается ностальгия улиц. В гуще шума он как будто бы слышит тревожный нянин крик: «Антуан!» Ее голос словно истрепался, продираясь сквозь невидимый колючий кустарник. И доносится откуда-то сзади. Антуан разворачивается и идет обратно, но не отвечает няне. Со всех сторон его обступает уличный гул, который всегда силится преодолеть свою пестроту и вывести чистую звуковую партию. Антуану стыдно, что он потерял няню, и хорошо бы прохожие не догадались об этом и не бросились ему на помощь. Он сам отыщет ее. Он идет по улице Прованс, удерживая в ладони родное тепло шершавой няниной руки — все эти бороздки и натруженные мозолистые бугорки на ней, кажется, нарочно придуманы для того, чтобы детская ладошка надежно и уютно улеглась между ними.

Прошло уже целых пять минут с тех пор, как Антуан оказался один, и ему стыдно, а может быть, страшно, он сам толком не разберет. Темнеет. Париж все плотнее обступает Антуана. Справа пневматические часы. Если бы он умел определять время, то не чувствовал бы себя таким одиноким. Этот белый циферблат со стрелками для него чужак, принадлежащий миру, в который мальчику не удастся проникнуть. Кажется, никому нет дела до Антуана, и это начинает ему нравиться. Теперь он спокойно дожидается мгновенья, когда ка-

кой-нибудь месье, или дама, или рабочий, а может, служащий или прохожий, чей род занятий сложно определить, словом, кто-то, не безразличный к его судьбе — возможно, даже машина, и пневматические часы, и ковыляющая мимо лошадь, — немного сочувствует ему, подойдет и скажет:

— Что вы делаете на улице совсем один, в этом новом костюмчике?

Но нет. Прохожие снуют мимо и так безучастны, что Антуану хочется поколотить их.

Обернувшись, мальчик видит высокого, важного месье, солидного и степенного, и взгляд у него такой добрый. И нет ничего удивительного в том, что они встретились. Антуан вдруг понимает, что уже замечал этого месье два или три раза — он смотрел на мальчика внимательно, но украдкой, словно собирался сделать что-то очень важное и странным, непостижимым образом связать свою жизнь с жизнью Антуана.

Свет фонаря падает на лицо незнакомца. Теперь мы видим ниточку его усов, черных-черных и опущенных книзу, и в глазах у него — всеохватность, какая бывает у отца большого семейства.

Что же происходит в душе Антуана?

Внутри проносится воспоминание о няне — как она теряет его и исчезает. Он попался на удочку, его втянули в авантюру, от которой не отвертеться, и он ничуть не удивлен, когда усатый месье наклоняется к нему с высоты своего роста и мягко говорит:

— Антуан Шарнеле, дитя мое, ты потерял няню? Не бойся же, я твой друг, мы с тобой давным-давно знакомы, вот увидишь.

У этого высокого господина легкий акцент.

— Прокатимся на моей машине?

Чудный лимузин, новее нового, словно только что из салона на Елисейских Полях.

— Зайдешь ко мне в гости, пока не отыщется твоя няня? — Взгляд у незнакомца до того искренен и ясен, что Антуан без промедления, не задумываясь, садится в автомобиль. Месье говорит что-то на незнакомом языке водителю, почтенному смуглому человеку.

Устроившись на сиденье, Антуан вспоминает об игрушках, которые в последнее время кто-то стал ему присылать. Игрушки — просто восторг, но от кого они, нигде не указано.

Большущая коробка, а внутри — усадьба, как в Латинской Америке, и стадо коров. И запах нездешний, неведомый, так что кажется, будто усадьба очутилась в Париже по недоразумению, перенеслась сюда случайно. Если расставить на ковре эвкалипты, сразу чувствуешь их величие и веет простором.

Сквозь эти просторы мчатся гаучо с длинными лассо. Вот у лошади подгибаются ноги, она падает, схваченная петлей.

В другой коробке — кофейные плантации. В жарком мареве обходят свои владения чужеземные хозяева, попыхивая трубками. И девственные леса отражаются у них в глазах. Иногда эти плантаторы останавливаются на миг, будто запямятовали что-то сказать или сделать. И тут к ним подбегает собака с конвертом в пасти.

А теперь давайте подойдем ближе к кофейным деревьям. Вот они — выстроились ладными рядами, которым нет конца и края. Как подо-

браться к деревьям? Пойдем-ка следом за плантаторами.

И еще была коробка сигар. На этикетке написано «Рио». Подносишь спичку к кончику сигары, и тут же распахивается гавань во всем великолепии, с кораблями на якоре, с ободком гор вокруг, а над городом — пронзительная синева неба.

Раньше Антуан получал подарки разве что от няни, совсем скромные, и был ошеломлен, увидев эти игрушки.

Пока он был в детской, взрослые перешептывались, а порой громко обсуждали, откуда могли взяться эти подарки. Кто присылал их мальчику?

Размышляя о сигарах, еще целых, которые он пока не поджег, Антуан заметил на пальце незнакомца золотой перстень с черным камнем — такой же был на руке у человека, который, скорее всего, и разлучил его с Розой. Значит, нужно кричать о помощи в окошко автомобиля?

— Да, верно, продолжайте ехать этой дорогой, все время прямо.

Сидя рядом с высоким месье, Антуан чувствует, как у него внутри разливается покой, и ему ничуть не страшно. Но зачем же все-таки он расцепил их с Розой руки?

Антуан доверяет этому незнакомцу. Кажется, он хороший. (И пахнет от него хорошо — вокруг еле уловимого, тонкого запаха чистоты вьется запах одеколона.) Да и выглядит он достойно, очень достойно, он просто сияет благородством, как ночь, спустившись на землю, сияет мириадами звезд. Антуан как будто бы шагает туда, где кончается темнота, он вот-вот переступит черту, за которой светло и ясно.